

УДК 343

М. Б. Кострова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет», ул. Заки Валиди, 32, 450076 Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 8 (347) 2288370, kostrovam@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА С УЧЕТОМ БЕЛОРУССКОГО ОПЫТА

Рассматриваются исходные теоретические положения о влиянии языковой формы уголовного закона на его эффективность, доказываются допустимость и целесообразность использования позитивного зарубежного опыта для совершенствования языкового выражения нормативных предписаний российского Уголовного кодекса. На основе анализа Уголовного кодекса Республики Беларусь выявлен ряд удачных законодательских решений в части придания точности и ясности языку уголовного закона, обосновывается, что белорусский опыт в этой части заслуживает пристального внимания российского законодателя.

Ключевые слова: уголовный закон; язык уголовного закона; сравнительное уголовное право; Уголовный кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Республики Беларусь.

Библиогр.: 14 назв.

M. B. Kostrova

Bashkir State University, 32 Zaki Validi Str., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 8 (347) 2288370, kostrovam@mail.ru

SOME WAYS TO IMPROVE THE VERBAL REPRESENTATION OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW TAKING INTO ACCOUNT THE BELARUSIAN EXPERIENCE

The article deals with the starting theoretical positions concerning the influence of the verbal representation of the Criminal Law on its effectiveness. The research proved the admissibility and practicability of applying the positive foreign experience in order to improve the verbal expression of regulatory requirements of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of the Criminal Code of the Republic of Belarus helped to find out some lucky lawmaking decisions to make the language forms, that are used in the Criminal law, more clear and precise. It is proved that the relevant Belarusian experience is worth deliberate attention of Russian lawmakers.

Key words: Criminal Law; the language of Criminal Law; comparative Criminal Law; Criminal Code of the Russian Federation; Criminal Code of the Republic of Belarus.

Ref.: 14 titles.

Введение. Каждое государство как суверенный субъект международного права свободно в выборе уголовно-правовых средств борьбы с преступностью и их установлении в национальных уголовных законах. Вместе с тем, поскольку преступность в настоящее время носит транснациональный планетарный характер, универсализация национальных уголовно-правовых систем является насущной потребностью современного периода. В связи с этим актуальным направлением современного сравнительного уголовного права является изучение зарубежного опыта, оценка на его основе национального уголовного законодательства, что, в частности, позволяет выявить наиболее оптимальные модели уголовно-правового регулирования и определить направления возможной рецепции норм иностранного уголовного права и (или) заложенных в нем правовых идей. В настоящей публикации обратимся к белорусскому опыту придания формальной определенности уголовно-правовым предписаниям, пригодному, как представляется, для заимствования в России.

Методология и методы исследования. Настоящее исследование проводилось на основе изучения Уголовного кодекса РФ 1996 года [1] (далее — УК РФ) и Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года [2] (далее — УК Республики Беларусь), праворазъяснительной и правоприменительной практики, при этом использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования, главным из которых является сравнительно-правовой.

Результаты исследования и их обсуждение. Любое нормативное правовое предписание объективируется в тексте закона или иного нормативного правового акта в языковой форме, соответственно, уголовно-правовые предписания, как разновидность нормативных правовых предписаний, объективируются вовне посредством языковых средств, присущих естественному языку (для России — русскому, для Республики Беларусь — белорусскому), используемых с учетом жанровой принадлежности и стилистических особенностей уголовного закона. Точность и ясность языка уголовного закона, в совокупности с логической, графической и стилистической основами текста уголовного закона, является предпосылкой единообразного уяснения и правильного применения уголовно-правовых норм, формирования единообразной судебной и иной правоприменительной практики по уголовным делам и, как следствие, — позитивного воздействия на преступность. Эффективность уголовного закона, как уже давно доказано, зависит, в том числе, от точности и ясности языкового выражения его норм и нормативных предписаний [3; 4]. Противоположные свойства языка уголовного закона, соответственно, порождают нестабильность и противоречивость судебной и иной правоприменительной практики, затрудняют реализацию отраслевых функций, совокупность которых определяет функциональное предназначение уголовного права — противодействие преступности.

Между тем детальный анализ текста УК РФ, изучение динамики и структуры правоприменительных ошибок, а также научных дискуссий о содержании практически каждого уголовно-правового предписания позволяет констатировать, что идеальная модель языка российского уголовного закона пока далека от реальности. В частности, можно указать на использование в УК РФ множества терминов, не обладающих такими необходимыми признаками, как наличие строго фиксированного содержания и легальной дефиниции, что вынуждает правоприменителей искать авторитетные ориентиры в их определении, обращаясь к праворазъяснительной практике Конституционного и Верховного судов РФ, к судебному прецеденту либо к доктрине уголовного права.

На этом фоне УК Республики Беларусь является гораздо более «дефинированным», чем УК РФ, включая законодательные определения ряда основополагающих отраслевых понятий — «уголовная ответственность» (часть первая статьи 44), «реализация уголовной ответственности» (статья 46), «вина» (часть первая статьи 21). Имеются также в УК Республики Беларусь законодательные определения сложных для уяснения понятий Общей части уголовного закона более частного характера — «малозначительность деяния» (часть четвертая статьи 11), «преступление, совершенное на территории Республики Беларусь» (часть вторая статьи 5), «судимость» (часть первая статьи 45). Кроме того, более основательная дефинитивность УК Республики Беларусь проявляется во включении в него отдельной статьи 4, специально посвященной разъяснению ряда терминов, используемых в УК, что сделано для целей единообразного и точного их применения. В этой статье раскрывается содержание, в частности, терминов «близкие», «близкие родственники», «члены семьи», «малолетний», «престарелый», «корыстные побуждения», «хулиганские побуждения», «общепаспортный способ», «заведомо» (в России содержание почти всех этих терминов определяется на уровне праворазъяснительной практики Пленума Верховного Суда РФ). Дефиниции перечисленных понятий (обозначающих их терминов), за исключением «преступление, совершенное на территории», необходимы, как думается, и в российском УК. Одни — в силу их основополагающего отраслевого значения и (или) в связи с отсутствием конвенциональных определений в доктрине уголовного права, другие — для перехода от «латентного» нормотворчества Пленума Верховного Суда РФ к легальному дефинированию. Но самое главное предназначение законодательных дефиниций (в том числе и не упомянутых выше определений понятий, используемых в Особенной части уголовного закона) — прагматическое, что можно проиллюстрировать на ряде примеров.

Пример первый. Согласно части второй статьи 14 российского УК не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. С точки зрения точности и ясности языкового выражения данного нормативного предписания в нем не хватает уточнений, подобных имеющимся в части четвертой статьи 11 УК Республики Беларусь, — 1) содержательного описания малозначительности деяния — «малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам»; 2) указания на то, что это деяние не обладает общественной опасностью, присущей именно преступлению; 3) характеристики такого деяния в системе межотраслевых связей: в случаях, предусмотренных законом, оно может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания. Следует отметить, что первоначальная редакция части

второй статьи 14 УК РФ тоже раскрывала понятие малозначительности деяния, как «не причинившего вреда и не создавшего угрозы причинения вреда личности, обществу или государству». Но Федеральным законом от 25 июня 1998 года № 92-ФЗ выделенные курсивом слова были исключены, что привело к потере ориентиров для практики. К примеру, при растрате Г. денежных средств МУП «А.» в сумме 2 000 рублей, а при растрате М. М. денежных средств муниципального казенного общеобразовательного учреждения в сумме 1 500 рублей, содеянное в обоих случаях было квалифицировано по части третьей статьи 160 УК РФ как хищение чужого имущества, вверенного виновному, с использованием своего служебного положения. В последующем оба судебных решения были отменены с прекращением производства по делу за отсутствием в деянии состава преступления с признанием за осужденными права на реабилитацию, при этом вышестоящие суды мотивировали свои решения отсутствием достаточной общественной опасности действий Г. и М. М. для признания их преступлением [5; 6].

Пример второй. По УК РФ совершение преступления в отношении «специального потерпевшего» — лица, находящегося в беспомощном состоянии, выступает в качестве обстоятельства, дифференцирующего уголовную ответственность или индивидуализирующего наказание, причем и в том, и в другом случае — в сторону усиления (отягчения). Давая толкование оценочному признаку «беспомощность потерпевшего», Пленум Верховного Суда РФ в постановлениях от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» и от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» включает в круг таких потерпевших, в частности, престарелых лиц. Однако точный возраст, с которого следует считать человека престарелым, в УК РФ, в отличие от УК Республики Беларусь (70 лет — часть девятая статьи 4), не обозначен, не установлен он и нормативными правовыми актами иной отраслевой принадлежности. В связи с этим судебная практика, сложившаяся в части определения престарелого возраста, не отличается единообразием: по изученным судебным решениям видно, что суды признавали беспомощными лицами — престарелыми людей, достигших возраста в диапазоне от 68 лет [7] до 90 лет [8]. Наряду с этим, в судебной практике имеют место случаи, когда лицо, которое в силу возраста явно относится к категории престарелых лиц (в последнем примере — 83 года), не признается беспомощным, что мотивируется, например, так: «...сам по себе возраст потерпевшей (81 год) не является основанием считать ее беспомощной. Потерпевшая... вела активный образ жизни, передвигалась самостоятельно, сама себя обслуживала, о чем подсудимому было известно...» [9]; «...потерпевшая Н. Н. З., 1929 года рождения, жила одна, вела активный образ жизни, в посторонней помощи не нуждалась...» [10].

Пример третий. Одним из альтернативных обязательных признаков состава незаконного предпринимательства в статье 171 УК РФ является извлечение дохода в крупном размере, при этом количественное выражение суммы дохода имеет законодательное определение (с 2004 года — в примечании к статье 169, с 2016 года — к статье 170.2). Практика привлечения к уголовной ответственности по статье 171 УК с учетом рассматриваемого признака пошла в основном по пути признания в качестве дохода всей суммы поступлений от незаконного предпринимательства, но в 1998—2000 годах она была «сломана» несколькими прецедентными решениями Верховного Суда РФ. В частности, Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Леонова, в котором было указано, что доход, предусмотренный статьей 171 УК РФ, следует определять как разницу между полученной от предпринимательской деятельности прибылью и расходами, понесенными в результате этой деятельности, было опубликовано в Бюллетене Верховного Суда РФ под заголовком: «При исчислении подоходного налога с доходов, полученных от предпринимательской деятельности, исключению подлежат документально подтвержденные и фактически произведенные расходы, связанные с реализацией имущества» [11]. Сходное разъяснение было дано в постановлении Президиума Верховного Суда РФ № 1061п98 по делу Кондратьевой [12]. Таким образом, Верховный Суд РФ создал прецедент, которому достаточно долго следовала правоприменительная практика. Хотя его нельзя признать безупречным с позиций теоретического обоснования и реальной практической исполнимости, суды были сориентированы именно на него: «...закон не определяет понятие дохода ни как валовой доход, ни как прибыль, полученная за вычетом затрат... в настоящее время сложилась определенная практика привлечения к ответственности за незаконное предпринимательство, и при определении понятия «доход» суды области из объема валового дохода вычитают документально подтвержденные затраты, связанные с осуществлением данной предпринимательской деятельности. В качестве обоснования верности данной позиции, а также в порядке информации, приведем некоторые извлечения из решений Верховного Суда РФ, касающихся данного вопроса...» (далее приводятся вышеуказанные решения в отношении Леонова

и Кондратьевой. — М. К.) [13]. Но в 2004 г. и эта практика опять была «сломана» — уже не судебным прецедентом, а в результате праворазъяснительной деятельности Пленума Верховного Суда РФ. В постановлении от 18 ноября 2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» в пункт 12 Пленум разъяснил: «Под доходом в статье 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности».

В Республике Беларусь перипетии с судебным толкованием термина «доход» в составе незаконного предпринимательства, подобные российским, исключены, поскольку в УК Республики Беларусь в состав статьи 233 «Незаконная предпринимательская деятельность» включено примечание 1, в котором дано подробнейшее описание содержания используемого в диспозиции термина «доход», причем в разных значениях и рассчитанное на разные ситуации.

Как видим, результатом отказа законодателя от разъяснения содержания используемых в УК терминов непосредственно в тексте уголовного закона, равно как и последствием иных проявлений неточности и неясности языкового выражения уголовно-правовых предписаний, становится нестабильность и противоречивость правоприменительной практики. Такое положение никак не согласуется с отраслевыми и конституционно-правовыми принципами законности и равенства граждан перед законом и судом, а также с вытекающим из них требованием формирования единообразной судебной практики по уголовным делам на всей территории России, поэтому оно требует корректировки, что возможно, в том числе, с учетом позитивного зарубежного опыта, в нашем случае — белорусского.

Помимо отмеченной выше более основательной дефинитивности, в УК Республики Беларусь можно обнаружить и более удачные, по сравнению с УК РФ, формулировки уголовно-правовых предписаний, и несомненное преимущество в описании ряда составов преступлений.

Не имея возможности их полного освещения, в качестве единственного иллюстративного примера можно привести более удачную, по сравнению с российским УК, формулировку диспозиции статьи 140 УК Республики Беларусь — «Убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, *совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами*». Она, как думается, в выделенной курсивом части в полной мере отражает ситуативный тип преступника и объясняет существенное смягчение наказания ему. В то же время состав убийства матерью новорожденного ребенка в статье 106 УК РФ описан столь неудачно, что факт убийства никак не связывается с обязательной обусловленностью его совершения под влиянием психофизиологических процессов, происходящих в организме женщины во время родов и в послеродовой период. Альтернативность указанных в статье 106 УК РФ признаков данного привилегированного состава убийства («во время родов», «сразу же после родов», «в условиях психотравмирующей ситуации») означает, что для признания общественно опасного деяния преступлением достаточно одного из них. А это, в свою очередь, не позволяет в полной мере дифференцировать ответственность за убийство в зависимости от степени его общественной опасности и индивидуализировать наказание матери-убийце, даже если она сделала это хладнокровно, проявляя особую жестокость. Например, «Ваганова ... с целью убийства новорожденного ребенка, сразу же после родов, положила его на тлеющие угли в металлической печи, расположенной в вагончике, и закрыла дверцу топки. В результате... новорожденному ребенку были причинены термические ожоги пламенем 100% поверхности тела 3б-4 ст., от которых наступила его смерть...». Квалифицировав действия Вагановой по статье 106 УК РФ, суд назначил ей наказание в виде 2 лет лишения свободы [14]. Если бы это произошло в Республике Беларусь, содеянное Вагановой можно было бы признать квалифицированным убийством заведомо малолетнего, совершенным с особой жестокостью (пункты 2 и 6 части второй статьи 139 УК Республики Беларусь), единственным потенциальным наказанием за которое для женщин является лишение свободы на срок от 8 до 25 лет.

Заключение. В целом все вышеизложенное позволяет заключить, что в УК Республики Беларусь имеется целый ряд удачных законотворческих решений в плане языкового выражения уголовно-правовых предписаний, в связи с чем белорусский опыт (и не только в обозначенной в настоящей публикации части) заслуживает пристального внимания российского законодателя.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. — Дата доступа: 20.08.2017.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 407-З) // Информационная система «КОНТИНЕНТ». — Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984. — Дата доступа: 20.08.2017.
3. Кузнецова, Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона / Н. Кузнецова // Социалистическая законность. — 1973. — № 9. — С. 29—33.
4. Кострова, М. Б. Язык уголовного закона / М. Б. Кострова // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2016. — Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника. — С. 547—603.
5. Постановление президиума Пермского краевого суда [Электронный ресурс] : от 22 июля 2016 г. № 44у-135 // Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2016 г. (утв. президиумом Пермского краевого суда 10 марта 2017 г.). — КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
6. Постановление Президиума Верховного суда Республики Дагестан [Электронный ресурс] : от 2 нояб. 2016 г. № 44У-104/2016. — КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
7. Приговор Хабаровского краевого суда [Электронный ресурс] : от 19 окт. 2015 г. по делу № 2-63/2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». — Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/Dm1Ln5vk5Vm6/>. — Дата доступа: 21.08.2017.
8. Приговор Верховного суда Республики Дагестан [Электронный ресурс] : от 16 июля 2014 г. по делу № 2-14/2014 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». — Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/2cfdyX8dwuK/>. — Дата доступа: 20.08.2017.
9. Приговор Хабаровского краевого суда [Электронный ресурс] : от 28 июля 2014 г. по делу № 2-66/2014 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». — Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/YEiEiKO1cQK/>. — Дата доступа: 21.08.2017.
10. Приговор Челябинского областного суда [Электронный ресурс] : от 16 сент. 2013 г. по делу № 2-120/2013 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». — Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/9EtfmYReWfVg/>. — Дата доступа: 20.08.2017.
11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 декабря 1998 г. [Электронный ресурс] // Бюл. Верховного Суда РФ. — 1999. — № 7. — Режим доступа: http://vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=3391. — Дата доступа: 21.08.2017.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 1999 г. по уголовным делам [Электронный ресурс] // Бюл. Верховного Суда РФ. — 2000. — № 7. — Режим доступа: http://vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=3160. — Дата доступа: 21.08.2017.
13. Обзор судебной практики по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, рассмотренных судами Кемеровской области в 2002 г. — первом полугодии 2003 г. [Электронный ресурс] : обзор Кемер. обл. суда от 18 сент. 2003 г. № 01-19/322 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2003.
14. Приговор суда района имени Полины Осипенко Хабаровского края от 12 сентября 2016 г. по делу № 1-28/2016 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». — Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/JcXTgzPb01UP/>. — Дата доступа: 21.08.2017.

Поступил в редакцию 12.09.2017